

А
Т. Г. Шевченко.

3/4-29
1/2-23
КОВЗАРЪ.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. А. Бѣлоусова.

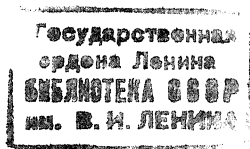

Москва.

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина.
Моховая. д. Венкендорфъ.

А

Біографія дозволена цензурою. Москва, 7 августа 1899 г.

94595 -49

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1900.

M. Шеленко

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

(О Ч Е Р К Ъ).

25 февраля 1814 года въ селѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи у крѣпостного крестьянина помѣщика Энгельгардта—Григорія Шевченко родился сынъ Тарасъ,—будущій знаменитый украинскій поэтъ. Тарасъ былъ третьимъ ребенкомъ у Григорія,—первымъ былъ сынъ Никита, а вторымъ—дочь Катерина. Вскорѣ послѣ рожденія Тараса отецъ переселился на жительство въ с. Кирилівку, того же уѣзда, гдѣ и протекли первые младенческіе годы будущаго поэта; на этомъ основаніи Т. Г. въ своей извѣстной автобіографіи, написанной по просьбѣ редактора журнала „Народное Чтеніе“ А. А. Оболенскаго,—Кирилівку называетъ своей родиной.

Какъ прошло дѣтство Т. Г.—объ этомъ мы находимъ описаніе въ одномъ изъ его сочиненій на великорусскомъ языкѣ. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ:

„Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышей и чернымъ „дымаремъ“, а около хаты „на причилку“, яблоня съ краснобогими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки. А у воротъ стоитъ старая, развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою, „клуня“ (хлѣбный сарай), а за „клунею“ по косогору пойдеть уже садъ, а за садомъ—„леванда“ (сѣнокося)—, а за „левандою“—долина, а въ долині тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною, окутанный широколиственными, темнозелеными ло-

пухами. А въ этомъ ручейкѣ купается кубическій бѣлоку-
рый мальчуганъ; выкупавшись вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ,
падаетъ подъ первую грушею и засыпаетъ... Проснувшись
онъ смотритъ на противоположную гору и думаетъ: а что же
тамъ, за горою?... Тамъ должны быть желѣзные столбы, что
поддерживаютъ небо!..⁴

И пошелъ этотъ бѣлокурый мальчуганъ (никто иной какъ
авторъ разсказа, Т. Г.) къ желѣзнымъ столбамъ, долго шелъ,
до самой ночи и пришелъ, самъ не зная куда; къ счастью
попались ему чумаки и довели его до дому. „Когда я при-
шелъ домой, то старшая сестра (продолжаетъ разсказъ Шев-
ченко)—подбѣжала ко мнѣ, схватила меня за руки, понесла
черезъ дворъ и посадила въ кружокъ „вечерять“ (ужинать),
сказавши: „сидай вечерять, приبلудо“.—Повечерявши, сестра
повела меня спать, уложила въ постель, перекрестила и по-
цѣловала“...

Эти воспоминанія относятся къ 5—6 лѣтнему возрасту
поэта. Какъ видно здѣсь Т. Г. съ большою любовью вспоми-
наетъ о сестрѣ и ни слова не говоритъ о матери. Какъ объ-
яснить это обстоятельство? По нашему очень просто: мать,
„вѣковѣчная работница“, батрачка для своей семьи, не могла
заниматься съ дѣтьми, которыхъ у ней послѣ Тараса было
еще двое—Ирина и Осипъ. Дѣти были предоставлены сами
себѣ: старшія сестры исполняли роль нянекъ для млад-
шихъ братьевъ.

Въ 1823 г. умерла мать Шевченко; съ этого года въ
жизни маленькаго Тараса произошла большая перемѣна:
беззаботное дѣтство кончилось, началась жизнь, полная ли-
шеній, невзгодъ и несчастій, не покидавшихъ поэта до
самыхъ послѣднихъ дней его жизни.

Отецъ Шевченко, у котораго на рукахъ осталось 5 че-
ловѣкъ дѣтей, никакъ не могъ вести хозяйство безъ женщи-
ны и вскорѣ послѣ смерти своей первой жены женился во
второй разъ на вдовѣ съ дѣтьми. Пошли раздоры;—мачеха
возненавидѣла Тараса за враждебное отношеніе его къ ея
дѣтямъ, за скрытность и упрямство, но отецъ не переставалъ
заботиться о сиротахъ, оставшихся безъ родной матери: не
желая, чтобы дѣти его были безграмотными, Григорій Шев-